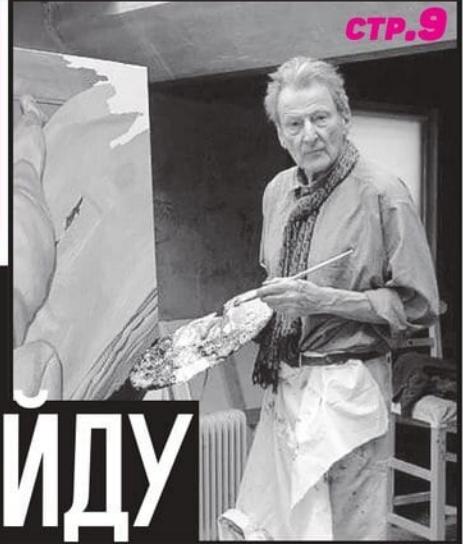

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 6-8

стр. 9

МИЛЕДИ ПО ФРЕЙДУ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

№50 (131)
ДЕКАБРЬ 2022

МИЛЛА ЙОВОВИЧ:
БУНТАРСТВО ОТ-КУТЮР

CLASSICS FOR UKRAINE

стр. 2

ПОКОЙ НАМ
ТОЛЬКО СНИТСЯ

стр. 14-17

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В номерах «БН» №23 за июнь и №38 за сентябрь 2022 года

мы уже рассказывали о знаменитых авантюристах Российской империи XIX - начала XX веков. Но далеко не обо всех. Сегодня мы расскажем о других «выдающихся» деятелях на ниве мошенничества и вспомним более подробно некоторых из тех, о ком уже шла речь ранее.

Геннадий Норд

ИВАН ГАВРИЛОВИЧ РЫКОВ

Родился в 1833 году в городе Скопин Рязанской губернии в семье небогатого мещанина. Дослужился до должности бургомистра.

Иван Рыков

В 1863 году был назначен на должность директора Скопинского Городского Общественного Банка, на базе которого создал первую в России крупную финансово-пиратовскую пирамиду.

Для того, чтобы избавиться от контроля со стороны градоначальника, принял участие в очередных выборах, победил в них, но отказался от должности в пользу своего человека - купца Николая Афанасьевича.

Реклама рыковского банка с обещанием баснословных процентов по вкладам печаталась по всей России, при этом в банке не принимали вкладов от жителей родной Рязанской губернии.

Вел в банке три бухгалтерии: официальную, внутреннюю и личную. Учредил популярный фиктивный «Акционерное Общество Скопинских угольных копей Московского бассейна», ценных бумагами которого торговали на бирже сам с собой, искусственно повышая курс и создавая видимость интереса к предприятию, после чего отдавал «раздатые» акции в залог под кредиты.

Рыковский пузырь лопнул в 1884 году. Совокупный долг перед кредиторами составил 12 миллионов рублей, что в три раза превышало стоимость всей недвижимости Скопина.

По приговору суда был сослан в Восточную Сибирь на вольное поселение.

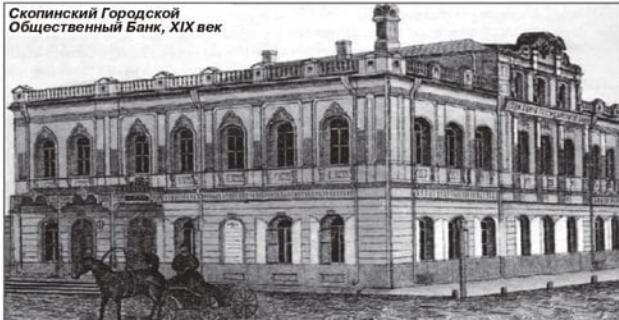
В большом селе, куда он прибыл, оказалось множество бывших вкладчиков Скопинского банка, и Рыкову был объявлен бойкот: не сдавали удобного помещения, на улицах свистели и улюлюкали. Многочисленные прошения о переводе в другое место оставались без внимания.

Скончался 21 августа 1897 года в переселенческом отделении красногорской городской лечебницы от апоплексического удара.

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ ПОЛИТКОВСКИЙ

Родился в 1803 году в небогатой дворянской московской семье.

Скопинский Городской
Общественный Банк, XIX век

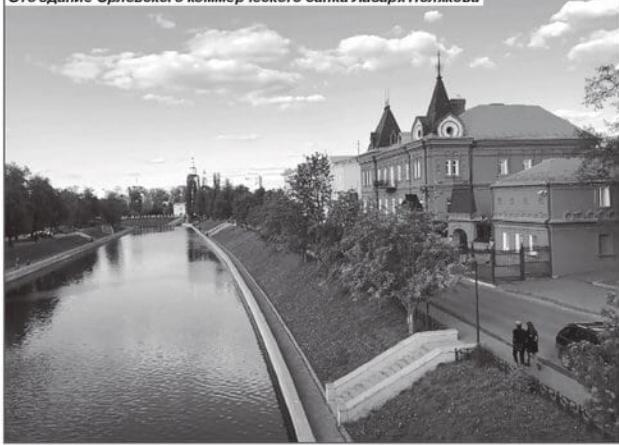
В 1829 году поступил на службу в Главный штаб военных поселений, где к 1851 году дослужился до чина тайного советника, равно чину генерала, получил несколько орденов и памятный нагрудный знак за 30-летнюю безупречную службу.

Однако, неожиданная ревизия выявила недостачу 10000 рублей. Аудиторы потребовали проведения расширенной проверки. Она состоялась через год, однако Александр Гаврилович скончался в ту же ночь как узнал о её начале.

По результатам проверки выяснилось, что за время своей службы тайному советнику Политковскому удалось присвоить и растратить 112000 рублей

Это здание Орловского коммерческого банка Лазаря Полякова

В 1889 году Лазарь купил концессию на монопольное производство спичек в Персии, где такого производства, по причине отсутствия леса, быть просто не могло. Но взятые у своих банков кредиты он построил в Тегеране спичечную фабрику, используя в качестве подрядчика собственную строительную фирму. Построенный завод продал созданному им же «Товариществу промышленности и торговли в Персии и Средней Азии», распределив, таким образом, большую часть долга по кредитам между многочисленными акционерами.

Многочисленные финансовые аферы привели к тому, что во время банковского кризиса 1900 года многочисленные поляковские банки оказались на грани банкротства. Проведенная ревизия обнаружила, что их пассивы (долги, 53 млн. рублей) в полтора раза превышали активы (37 млн.). Но поскольку вес этих банков в экономике страны был чрезвычайно велик, правительство предприняло операцию по их спасению. Правда, сам Лазарь Поляков от руководства был отстранен.

Все его банки были слиты в один «Соединенный банк», который в 1909 году был передан Госбанку со всеми долгами.

Лазарь Поляков

Портрет Лазаря Полякова художника Константина Маковского

Несмотря на это, остаток своей жизни Лазарь Соломонович прожил на свободе, в покое и благополучии.

После смерти Полякова наследникам досталось имущества на 4,5 миллиона рублей и долгов Госбанку на 9 миллионов. Они предпочли от такого сомнительного наследства отказаться, заплатив государству отступных в размере 1 миллиона.

БРАТЬЯ ШЕПСЕЛЬ И ЛЕЙБА ГОХМАНЫ

Эти господа в конце XIX века держали в Одессе антикварную лавку. Торговали тем, что находили на раскопках крупной греческой колонии Олипии: мраморными осколками с греческими словами, кусочками керамики и прочим ходовым товаром. Но спрос рос, предложение за них катастрофически не успевало, и братья начали потихоньку разбавлять настоящий товар фальшивками.

Первой крупной удачей или аферой братьев была продажа господину Фришему, коллекционеру из Николаева, якобы античных золотых украшений.

В 1896 году им удалось продать в Лувр уникальную тиару скифского царя Сайтрафна. Зане братья и помогавшие им венские антиквары Фогель и Шиманский выручили, нимного, нимало, 266 тысяч франков.

Семь лет весь мир съезжался в Париж посмотреть на чудо, а на восьмом году одесский ювелир Израиль Рухомовский неожиданно объявил, что тиару сделано именно он. По заказу братьев, заплативших ему за работу 1800 рублей.

Грохманам и их помощникам удалось избегнуть наказания, а творение Юлия Рухомовского и сейчас можно увидеть. Только не в Лувре, а в парижском Музее декоративного искусства.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ МАНАСЕВИЧ-МАНУЙЛОВ

Начинал с карьеры осведомителя петерской царской охранки, от которой за работу получал по 5 рублей в месяц. Подрабатывал написанием статей для журнала «Гражданин».

К началу XX века стал собкором журнала в Париже, не прерывая при этом связей с охранным отделением. Завербовал в Париже и Риме десятки людей, большая часть из которых даже не подозревала, что они теперь агенты, и на их прокорм Манасевич получает из России солидные деньги.

Иван Манасевич-Мануйлов

Выбил из правительства деньги на издание рекламной газеты о России, выпустил два хиленых номера и объявил, что на этом деньги кончились.

Во время русско-японской войны якобы завербовал сверхъенного агента - лакея японского посла, которому удалось переснять секретный дипломатический шифр и записать переговоры послов с русскими революционерами. За это героя вручили орден Святого Владимира и доверили руководить отделом контрразведки. Правда, вскоре выяснилось, что секретный шифр Ваня переснял из китайского словаря, а разговор с революционерами просто из головы выдумали.

Из разведки Манасевича «ушли», но бедствовал он не долго. Проработав некоторое время корреспондентом большой столичной газеты, Иван сумел в 1914 году устроиться личным секретарём к самому старцу Григорию Распутину. Через него он смог сделать премьером страны своего старого знакомого Бориса Штюрмера и стал у него личным секретарём и помощником. Занять в правительстве какой-либо важный пост, не поклонившись этому Ваньке было невозможно.

В 1916 году его арестовали за вымогательство взятки в 25000 рублей, однако вскоре освободили, так как он грозился на процессе сдать с потрохами всех своих высоких покровителей.

После революции сделал себе мандат чекиста, с которым смело занимался «экспроприацией экспроприаторов».

Был расстрелян при попытке сбежать в Финляндию с саксофоном, полным бриллиантов. Расстрелившие его красноармейцы рассказывали, что перед смертью Манасевич не просил пощады, а только приговаривал: «Ах, какая была жизнь, какая жизнь!»

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАКЛАКОВ

Сын генерала, окончил с отличием Военно-юридическую академию, но карьера артиста его привлекала больше, чем военного. Проработав немногим на сцене, он приступил к лицедейству в реальной жизни.

Сначала Николай промышлял тем, что открывал в разных городах конторы, принимал служащих, собирали с них залоги и счёт будущих прибылей, брал кредиты, набирал авансы под заказы и скрывался.

В 1906 году на гастроли в Петербург приехала известная итальянская певица Лина Кавальери. Безупречно говорив-

Борис Штюрмер в мундире
Премьер-министра, 1916 год

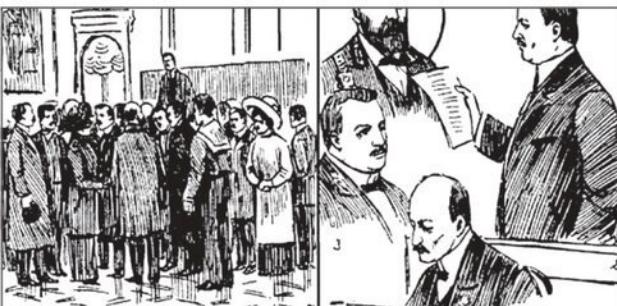
*Федор Григорьевич Савин
Заводской инженер.*

Но буйный характер не позволял ему жить спокойно и просто делать карьеру. Проигравшись в карты и растратив все свои деньги, он ввязался в какую-то неудачную аферу, после которой его попростили уволиться из армии.

Не выдержавший позора его отец скончался. Зато сын не воспринялувольнение как трагедию. Получив богатое наследство, он довольно быстро растратил его на многочисленных любовниц, а когда деньги кончились, вновь поступил на военную службу, в добровольский корпус генерала Криденера.

За геройство на русско-турецкой войне и тяжёлое ранение ему вернули звание корнета. Вернувшись в столицу, он был принят на службу адъютантом Великого князя Николая Константиновича. Однако вскоре его помяли, вынысившим из спальни великой княгини Александры Иосифовны драгоценные камни из ризы одной из икон.

Окончание на с. 16

Николай Маклаков на суде. Иллюстрация из газеты

Великий князь
Николай Константинович Романов

Окончание. Начало на с.15

Быстро сориентировавшись в ситуации, корнет заявил, что украд камни по личному приказу князя. Тот якобы сильно растратился на свою фаворитку, английскую танцовщицу Фанни Лир, и заставил его, честного корнета, совершившего этот омерзительный поступок. Все это выглядело, конечно, совершеннейшим бредом, но, поскольку Савин вплёл в инцидент столь высокую особу, имя которой не стоило упоминать в суде, дело решили замять. Корнету просто в очередной раз предложили уйти «по собственному желанию». Что он и сделал, хоть и не без сожаления.

Вскоре Савин провернул первую свою крупную международную аферу. Приехав в Сан-Франциско, он снял для себя лучшие гостиничные апартаменты, записавшись как «граф де Тулуз-Лагрек». Журналистам, заинтересовавшимся таким интересным гостем, «граф» рассказал, что приехал по специальному заданию российского правительства. Ему, якобы, было поручено найти хороших американских промышленников, которых взяли бы на себя поставку материалов для российской стройки века - Транссибирской железнодорожной магистрали.

Такие контракты сулили громадные барыши, и нет ничего удивительного в том, что уже на следующий день, после публикации в центральной прессе интервью с «графом», его стали зазывать к себе в гости крупнейшие представители американского бизнеса. Добрый граф никому не отказывал и всем обещал со-действие и протекцию.

Обрадованные предприниматели уж и не знали, чем отблагодарить гостя, поэтому благодарили деньги. В довольно крупных размерах, справедливо полагая, что чем больше будет размер благодарности, тем больше надежда на получение концессии. Поездив так по Калифорнии и собрав приличный капитал, граф де Тулуз-Лагрек неожиданно исчез из поля зрения американских бизнесменов. Исчез вместе с крупными деньгами и крупными надеждами на солидные прибыли.

Корнет Савин отдыхал не долго. Узнав из газет, что итальянское военное министерство желает обновить свой конный парк, он метнулся в Рим, где представил перед военной администрацией в образе крупного российского коннозаводчика.

Представленные им документы и предложения по поставке лошадей для нужд кавалерии и артиллерии были рассмотрены Особой комиссией при военном министерстве в Риме. Условия, на которых предприниматель предлагал поставлять скотину итальянской армии, показались привлекательными, и правительство быстро заключило с русским коннозаводчиком договор о поставках. Однако никаких поставок не произошло: поставщик просто забрал огромный аванс и скрылся.

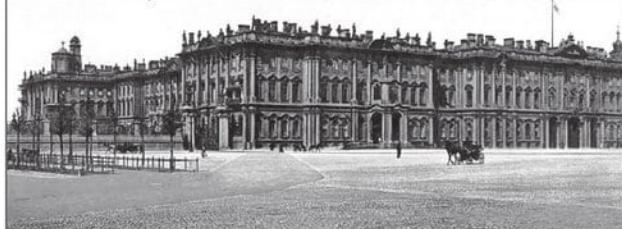
До России он тогда не доехал. Остановился в Софии, где его принимали уже как великого князя Константина Николаевича, сына того самого князя Николая Константиновича, у которого корнет не-огда служил адъютантом.

В это время в Болгарии пустовал трон. Министры никак не могли определиться на пост монарха,

Отставной корнет Николай Савин. Снимок Центрального антропометрического бюро в Париже, на нем имя «граф Тулуз де Лагрек».

Антрапометрическая карточка Николая Савина, сделанная в Гамбургской полиции

Зимний в начале прошлого века

нарха. И тут вдруг такой высокий гость. Можно сказать, на ловца и зверь... Только вот трудно сказать, кто в данной ситуации был ловцом, а кто зверем. Наверное, министры считали охотниками себя, поэтому уже скоро они сделали корнету предложение, от которого тому было сложно отказаться. А именно - занять монарший престол.

Немного подумав, для приличия, и выторговав себе приличные условия «великий князь» согласился.

Помешала удачному завершению дела сущая ерунда: приехавший к князю лучший софийский парикмахер, который оказалась, работал раньше в Санкт-Петербурге и имел удовольствие лично стричь князя Константина. Он сразу распознал самозванца и заявил об этом в полицию. Однако корнет почувствовал приближающийся крах и сбежал из гостиницы буквально за полчаса до того, как туда нагрянула полиция с ордером на арест.

Дальше в жизни корнета было еще множество красивых афер, правда, меньших масштабов. Когда денег у него оставалось совсем мало, он приходил в казино, некоторое время просто шатался по нему, а потом шел в администрацию и требовал дать ему «виатик» - специальную ссуду, которую выдавали проигравшемуся в прак клиенту на то, чтобы он купил билеты до дома. Получивший виатик клиент не имел права приходить в это заведение до тех пор, пока ссуда не будет погашена. А Савин передеевался, приклеивал суса, на-девал парик, и приходил снова.

В разгар февральской революции ему удалось стать начальником караула Зимнего дворца. Как-то раз к нему обратился американец и спросил, кто хозяин на-девал парик, и приходил снова.

Когда ему требовалась новая ботинка,

данного строения, на что корнет ответил, что хозяин стоит перед ним. В доказательство он провёл иностранца внутрь, в один из многочисленных кабинетов и угостил сигарой. Тут же Савин заявил американцу, что в этом революционном хаосе жить опасается, поэтому планирует переехать в своё имение в Ниццу, а сейчас ищет на этот дом покупателя.

Американцу дом нравился, как оказалось он, как раз, и искал хозяина с целью расспросить о возможной покупке. А так же о том, можно ли его разобрать и перевезти в Америку. На это «хозяин» объяснил, что сие делается легко, более того, его предки когда-то сами купили этот дворец в Италии, откуда перевезли в Санкт-Петербург.

Стороны быстро договорились о цене: два миллиона долларов. После чего Савин попросил гостя прийти с деньгами вечером. Когда тот ушёл, Савин взял в архиве первую попавшуюся бумагу с гербовой печатью, отрезал испанскую часть, а на свободном месте написал расписку, снабдив её для солидности оттиском монеты с двуглавым орлом. Этую «купчую» вместе с огромной связкой старых ключей, он вечером и обменял у американца на два саквояжа денег.

Как только акт купли-продажи состоялся, Савин взял телефонную трубку и попросил барышню соединить его с электрической станцией. После того, как он что-то сказал в трубку, во дворце погас свет.

- Поздравляю вас с покупкой, - сказал Савин американцу. - Я оповестил дежурную на станции, что теперь за электрический свет будет платить новый хозяин. Вам надо будет завтра заключить с ними договор, и тогда свет опять включят.

Одна из последних фотографий Николая Савина

На самом деле, свет он отключил не из экономии, а с тем, чтобы новый «хозяин» не пожелал пойти осматривать приобретение.

Утром Савина уже не было в Петрограде, в новый начальник караула долго смеялся после того, как прочитал выданную старым хозяином «купчую». В ней было написано по-русски:

«Долговое обязательство. Настоящим удостоверяю, что податель сего, поданный Соединённым Штатам Америки мистер Джонсон, должен (далее цифрами) быть указана сумма сделки. Это было единственное, что мог понять в бумаге американец, не владевший русским языком подданному революционной России г-ну Хлестакову».

А на месте подпись лихим росчерком написано;

«Дураков не суют, не жнут». Удивительно, но со всех этих крупных авантюристов Савину не удалось скопить нормального капитала. Деньги утекали из его рук как вода. Между тем годы шли, и совершать крупные аферы становилось все сложнее. Но и мелкие схемы в исполнении корнета выглядели удивительно изящно.

Когда ему требовалась новая ботинка, он заказывал две совершенно одинаковые пары у разных сапожников. Придя на примерку, он брал у одного мастера правый ботинок, а левый оставлял на доработку, говоря, что он, допустим, жмёт.

Внешне - нормальные люди, а на деле - все «Червонные валеты»

«Тверской» кружок	«Арестантки»
Шлейер Давидовский Капустин	Голубицкий Неофитов Щухин
«Подследственные»	
Дмитриев-Мамонов Протопопов Массари	Меерович Верещагин Плеханов

Три основные группы в составе «валетов»

Соня Золотая Ручка

010. ВОСПОМИНАНИЯ
ОФЪ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,
ВО СЛУЧАЕ ОТКРЫТИЯ ЕЁ ЦАРСТВЕННОГО
24 ноября 1873 г.
Цена 125 коп.
Изданіе Ф. Шекспировскаго.

Книжечка ценой от 250 до 600 рублей
каждая

Тюремные мастера превращали
векселя в ценные бумаги

Затем шёл ко второму сапожнику и таким же манером забирал у него левый ботинок, составляя себе полную пару.

Будущие уже глубоким стариком и жива в эмиграции в Шанхае легендарный корнет промышлял тем, что собирали деньги на издание газеты, продаив иностранцам «старинные манускрипты», а соотечественникам - «золотые швейцарские часы».

Умер корнет Савин в 1937 году от цирроза печени и был похоронен в дешёвом гробу, купленном на деньги русской православной миссии в Харбине.

«ЧЕРВОННЫЕ ВАЛЕТЫ»

Мы уже рассказывали о судебном процессе над ними. Но тогда мы сделали акцент на работе выдающихся прокурора Н. В. Муравьева и не менее выдающегося адвоката Н. Ф. Плевако.

А теперь речь пойдёт о головокружительных триюках, которые проделывала, пожалуй, самая крупная и известная в истории России шайка мошенников. Они - самые наглые и весёлые аферисты Российской Империи.

Самая известная в России организованная мошенническая группа родилась в 1867 году в Москве в подпольном игорном доме купца Иннокентия Симонова. Костяк группы составили постоянно рабоавшие в катране шулера.

Название «клуба червонных валетов» родилось после того, как у одного из соорганизаторов, Алексея Огонь-Догановского, во время дружеской игры на руках обнаружилось сразу три карты одинаковой масти. Поскольку игра шла «по маленькой» его не побили, а задуманную незадолго до этого мошенническую организацию было решено прозвать по ситуации - «Червонные валеты».

Дом московского генерал-губернатора

Суд над «Червонными валетами»

Ранние дни компании не отличались особенной дерзостью или оригинальностью. Члены общества проворачивали мелкие аферы, обыгрывали в карты купцов и помещиков, торговали фальшивыми векселями.

Первую крупную оригинальную операцию мошенники провели в 1873 году. Они разослали по всей России множество сундуков, якобы с «лотовым белым» (с брендовой одеждой) и с «пушным товаром», оценив каждый в 950 рублей и оформив на каждый груз от перевозчика страховку. Страховые расписки выдавались на гербовой бумаге и принимались банками в залог за кредиты наравне с векселями.

Пока посылки перемещались по огромному Империи, а потом в конечных пунктах дожидались своих получателей, которые так и не явились, мошенники успели обменять расписки на кредиты и замести следы.

После того, как необходимый срок ожидания истёк, владельцами сундуков стало застраховавшее их «Российское общество морского, речного и сухопутного страхования и транспортировки грузов». Однако, вскрыв сундуки, представители страхования никакого беля не нашли.

В каждом сундуке оказались ещё несколько вложенных друг в друга по принципу матрёшки ящиков. В последнем из которых была тщательно упакованная книга «Воспоминания об императрице Екатерине Второй по случаю открытия ей памятника». Залежавшийся тираж этой книги мошенники подрядились вывезти с типографского склада за небольшие деньги.

Каждая такая книжечка обошлась Страховому обществу в сумму от 250 до 600 рублей каждая.

На этой афере валетам удалось получить весьма крупную сумму, пятая часть которой досталась главному организатору и куратору операции - князю Долгорукову.

Вскоре мошенники нападли чуть не на потоком изготовление фальшивых документов, векселей и облигаций. Полиция долго не могла найти место их производства. Хотя производство располагалось у них даже не под носом, а гораздо ближе. Изготовители фальшивых бумажек работали... в губернском тюремном замке.

Система была предельно простой: настоящий вексель на сто рублей попадал к заключённым фальшивомонетчикам зашиблен в чистое белье, а через несколько дней он возвращался уже в грязном. При этом его номинал возрастал со 100 до 1000, а то и до 10000 рублей.

Полиции удалось выйти на изготовителей только внедрив в среду заключённых своего агента, однако заказчик тогда найти не удалось, так как агент неожиданно умер.

Через некоторое время Огонь-Догановский обянял о наборе на работу пятнадцати конторщиков. Поскольку работа была связана с финансовой ответственностью, с каждого из них взяли в залог по тысяче рублей, что было обычной практикой. Однако, когда настало время зарплаты, оказалось, что в кasse за этот денер нет.

Догановский предложил служащим в качестве моральной компенсации купить заложенные у него векселя за половину их стоимости. Служащие с радостью согласились, однако в банке, куда они явились для их погашения, конторщиков ждало глубочайшее разочарование: бумаги оказались той самой, тюремной работы. На этой афере «валеты» буквально за сутки получили более 60000 рублей. За такие деньги в Москве можно было купить несколько домов.

Следующей громкой аферой была продажа мошенниками дома московского генерал-губернатора (сейчас в нем расположена московская мэрия) князя Владимира Долгорукова, дяди того самого Вольдемара, одного из аферистов.

На этот раз главным исполнителем был Павел Шлеер. Ему удалось войти в доверие к генералу и стать чуть не другом семьи. Как-то раз он попросил у генерала разрешения показать дом настоящего русского князя своему знакомому английскому лорду. Князь как раз собирался отъездить с семьёй в свое загородное имение, и милостиво разрешил приятному молодому человеку хозяйничать в здании.

Шлеер целый день водил не знавшего русский язык лорда по дворцу губернатора, показывал все помещения, включая хозяйствственные постройки. Тому дом

очень понравился, и несколько дней спустя лорд подъехал к дому в сопровождении нескольких груженых скябором подвод. Оказалось, что за эти несколько дней он не только успел купить у Шлеера дом князя за 10000 рублей, но и оформил купчую в нотариальной конторе.

Вот только найти эту контору вновь, для того, чтобы подтвердить законность сделки, лорду уже не удалось. Как оказалось, она была открыта за несколько дней до сделки и испарилась сразу после нее. Вместе с ней испарился и организовавший ее Павел Шлеер.

Такой пощечины генерал-губернатор стерпеть не мог. Он нажал на все возможные рычаги, и в начале 1877 года почти все члены команды «Червонных валетов» были выловлены и предстали перед судом. Скрыться удалось лишь купцу Симонову и главному обидчику князя Павлу Шлееру. София Блювштейн (легендарная Соня Золотая ручка), проходившая в деле под фамилией Соколова, сумела выкрутиться, и была присяжными оправдана.

Такого дела Россия ещё не знала и больше не узнала. Из 45 проходивших по делу мошенников 27 принадлежали к дворянскому сословию, вплоть до высшей аристократии. В процессе было объединено 31 уголовное дело (56 преступных эпизодов), от убийства до уличного хулиганства. Кстати, дело о продаже дома в списке не фигурировало: князь Долгоруков не хотел из-за 100000 пачкать фамилию.

Один из защитников, знаменитый адвокат Фёдор Плевако, в своей речи говорил: «По национальности здесь и русские, и немцы, и поляки, и евреи, и армяне. По происхождению и роду деятельности: потомок Рюрика, коловратность: людской судьбы превратившийся в ефимовского мещанина Долгорукова, помещающийся вместе с иркутской мещанкой Башкирской, после крушения у берегов Японии явившийся в Москву для того, чтобы сесть на скамью подсудимых, учитель танцев и нотариус при окружном суде...»

26 человек были приговорены к тюремным срокам от трёх до тридцати месяцев, ссылки или поселению в Сибирь «в места не столь отдалённые». На категору не отправили никого.

Легендарный московский репортёр «дядя Глий», он же Владимир Глиэрский, писал, что после оглашения приговора к дежурившему у здания суда городовому подошёл «почтенный, профессорского вида старик» и передал конверт с письмом. Он попросил передать письмо председателю суда, после чего сел в экипаж и немедленно уехал.

В письме было всего три строчки: «Благодарю за сегодняшний спектакль. Я очень доволен. Шлеер».